



Андрей Мансуров

**Очередные три  
сказки и пародия...**

«Автор»

2017

## **Мансуров А. А.**

Очередные три сказки и пародия... / А. А. Мансуров — «Автор»,  
2017

Здесь я хотел бы представить вниманию уважаемых читателей очередные три волшебные сказки: первая - о приключениях знаменитого Конанаварвара, вторая - о "спасении" принцессы от злобного дракона (Ну, как же оставить без внимания столь популярную у авторов фэнтэзи тему!), в третьей - о приключениях мальчика, живущего в мире с "максимально доступными Богами". Пародия же в жанре сайнс-фикшн - очередной рассказ о приключениях двух незадачливых напарников: авантюристов-пионеров дальнего космоса.

© Мансуров А. А., 2017

© Автор, 2017

**Мансуров Андрей.**

**Очередные три сказки и пародия.**

1. Конан и опал Нэсса.
2. Первая.
3. Посвящение.
4. Эгоистичный гад.

**1. Конан и опал Нэсса.**

«... и будет богатой и благополучной жизнь жителей страны, когда опал получит, что предначертано ему Скрижалями, и Избранные двенадцать взойдут на моё ложе!»  
(Из Кодекса пророчеств Тимуды Несравненной.)

– Стой, где стоишь, или превратишься в дикобраза!

Конан аккуратно поставил на землю приподнятую было ногу.

Неторопливо повернулся, не забыв, впрочем, проверить, торчат ли из голенищ сапог рукоятки верных кинжалов, и удобно ли будет, если понадобится, выхватить меч. Его поразило не столько то, что он, опытный воин, вор-профессионал и следопыт, не обнаружил присутствия врагов, сколько то, что голос звучал тоненько-пискляво, и слышался словно от земли – как если бы говоривший сидел, и был маленьким ребёнком.

Поэтому картина, открывшаяся его взору, не явилась для варвара сюрпризом: человек, который отдал ему приказ, оказался карликом, и его рост не превышал трёх футов. Впрочем, при более внимательном осмотре странного воина выяснилось, что тот всё же не совсем карлик – у тех головы как у обычных людей, а тело непропорционально мало – а, вроде, лилипут. Всё в его фигуре казалось вполне пропорциональным: и голова, и торс с жилистыми руками, держащими небольшой лук с наложенной стрелой, и ноги, обутые в миниатюрные, но хорошей выделки, сапоги.

– Это ты, что ли, собрался утыкать меня стрелами? – в голос Конан старался сарказма или иронии не подпускать, чтоб ненароком не обидеть кроху, хотя ему уже стало смешно. Смешно от нелепости ситуации: как если бы белка сказала тигру, что сейчас она его загрызёт!

Его собеседник отнёсся к вопросу серьёзно: махнул рукой, и приказал:

– Бойцы. Покажитесь.

Из-за кустов с обеих сторон прогалины бесшумно вышли, или с земли поднялись, около двадцати лучников. Выражения лиц у них оказались достаточно свирепы, чтоб Конан поверил, что они и правда могут пострелять в него. И не успокоятся, пока не достигнут того эффекта, который обещал предводитель. Поэтому он кивнул:

– Я понял. И чего вам от меня надо?

Предводитель, казалось, опешил на долю секунды. Потом вновь нахмурил брови:

– Нам – ничего. Кроме того, чтоб ты объяснил, какого Варкисса *ты* зашёл на нашу территорию, и чего *тебе* здесь надо?

Конан невольно почесал в затылке. Но врать смысла не увидел:

– Собственно говоря, я иду за опалом Нэсса. Мы кое с кем договорились, что я достану этот камень из заброшенного Храма Пурха, и этот «кое-кто» отвалит мне за него немного денег. Или много. Это уж, смотря на чей взгляд.

– Так, понятно. А почему ты не спросил нашего разрешения на проход через нашу территорию?

– А потому что до вот этой самой минуты я и не знал о вашем существовании. Меня никто не предупредил о том, что этот лес – чья-то собственность. Но если дело только в этом, я готов исправить ошибку: я, Конан-варвар, приношу свои искренние извинения, что вторгся в ваши владения без спроса. И прошу вашего разрешения на проход через вашу территорию! – Конан всегда считал, что глупо завязывать бой, когда можно попытаться договориться. Да и не хотелось ему этих милых бедолаг убивать.

Предводитель, казалось, смутился ещё больше. Потом глянул на своих подчинённых, и жестами подозвал к себе троих более пожилых мужчин отряда. Они о чём-то оживлённо зашептались, изредка бросая на киммерийца сердито-настороженные взгляды.

Затем троица расступилась, и предводитель вышел чуть вперёд:

– Мы, вообще-то, торгуем с людьми из Шопесты. И они отлично знают и нас, и наши правила. Так что нам непонятно, как они могли тебя не предупредить... Но мы знаем и тебя, Конан-варвар. И верим тебе на слово. Потому что ты – человек чести. Поэтому если ты обещаешь, что не тронешь наших селений, и не будешь покушаться на наших женщин, мы разрешим тебе проход через наши владения, и даже дадим проводников – чтоб ты скорее вышел на путь к Храму. Устраивают тебя наши условия?

Конан огромным усилием сдержался, чтоб не рассмеяться от души.

*Их женщины! Покуситься на крошек, едва ему по пояс!.. Ха! Но...*

Может, они действительно, искренне верят в то, что их женщины – самые желанные и красивые?!

Да и на здоровье! Ему разные экзотические туземочки, разумеется, нравятся, но – трёхфутовые!.. Это уже перебор.

– Я, Конан-киммериец, обещаю вам, что не буду покушаться на ваших женщин. И селенья ваши не трону.

Четверо командиров переглянулись. Предводитель сказал:

– Принято.

Все остальные воины словно расслабились, и некоторые даже стали засовывать стрелы назад в колчаны, и вешать луки через плечо. Конан подумал, что они, похоже, и правда его знают. И доверяют.

Надо же. Как далеко и широко разошлась молва о нём...

Поэтому он протянул руку:

– Конан!

Предводитель пожал её:

– Мэрдок.

Подшли и остальные трое. Конан познакомился с Лайоном, Вудро и Томом.

– Вудро и Том проводят тебя до границ наших владений. А нам нужно продолжать дежурство. Так что извини – и прощай! Удачи тебе.

А деловой подход. Конан благодарно кивнул, и не без интереса проследил, как крошки бесшумными тенями словно растворяются в гуще леса. Он не удивился, что это произошло так легко: весь костюм воинов весьма подходил для маскировки: по общему охристо-бурому фону камзолов, рубах и штанов были разбросаны зелёные, тёмно-зелёные, и жёлто-коричневые пятна неопределённых форм. В таком наряде действительно легко затеряться в чаще, освещённой солнцем. А для ночи...

– Скажи, Вудро – если это не секрет, конечно! – Конан двинулся туда, куда ему рукой указал мальш, – На ночь вы переодеваетесь в чёрную одежду?

Вудро подумал, пошкрёб подбородок. Затем всё же ответил, прищурился:

– А ты быстро всё схватываешь. Сразу чувствуется профессионал. Да, на ночь у нас есть чёрная одежда. И ещё плащи с капюшонами.

– Понятно. Однако мне непонятно вот что: вокруг на десятки миль – ни одного жилья. (Ну, я имею в виду – человеческого жилья.) От кого же вы выставяете столь сильные пикеты-посты?

– А-а, ну да. Люди из городов и сел к нам заходят очень редко. Но пикеты мы выставяем сейчас не от них, а... Впрочем, откуда же тебе знать про... – Вудро почесал теперь в затылке, – Видишь ли, Конан, разной нечисти здесь водится предостаточно. Совы-гарпии, пантеро-львы, ежесуслики, мохнатые кровососы... Хуже всех – странствующие медведи – молодые самцы. Или, скажем, стаи гиено-лисиц. Многих мы можем остановить вот такими, – Вудро кивнул за спину, – пикетами. Хотя убить человека тут может даже тварюшка размером с палец, – воин показал фалангу маленького пальчика, – Например, звенящая многоножка. Жутко ядовитая, и живучая. Пока не раздавишь в блин, будет пытаться укусить...

Поэтому в наши леса люди, как ты верно подумал – не заходят просто так. И не потому, что тут пожить нечем. Очень даже есть чем. (Собственно, на этом, ну, на дарах леса, мы и живём: охотой, рыбалкой, ягодами-грибами, орехами, и всём прочем.) Но вот пшеницу тут, как и остальные зерновые, вырастить сейчас невозможно.

Их вытаптывает и пожирает копер. Вернее, стадо коперов.

Конан хмыкнул:

– Что ещё за стадо коперов? Никогда не слышал.

– И не удивительно. Они обычно живут как раз там, возле развалин Храма. А к нам приходят в поисках еды. (они всеядны) Но никогда дальше нашего леса не заходят. Мы сами долго думали, пытались по-всякому бороться с ними: охотились, стреляли отравленными стрелами, – Вудро похлопал себя по колчану, – заманивали в волчьи ямы, ставили капканы, накидывали сети... Ничего их не берёт: они – словно заколдованы!.. Коперы ещё и очень свирепы. И крупны: в одиночку с копером даже такой сильный воин как ты, – Вудро не без уважения снова окинул варвара оценивающим взглядом с ног до макушки, – вряд ли справится. Именно поэтому, как мне кажется, твой наниматель и не сказал тебе про коперов и про нас. Похоже, он не столько хотел получить свой опал, сколько – избавиться от тебя. Скажи честно: ты наступил кому-то в Шопесте на хвост?

Конан... призадумался.

А ведь и правда: он «наступил» кое-кому там, в захолустанном, и каком-то тусклом и пыльном, городе-на-перекрёстке-торговых трактов, на хвост! Очень даже неплохо причём наступил. И вполне может оказаться, что купчишки, которых он «пощипал», всё же договорились. И скинулись.

И вот Саидакмаль, глава их Гильдии, вызвал его глухой ночью, через доверенного охранника, с постоянного двора, где Конан кормил местных клопов на неудобной жёсткой постели, и предложил «столь важное и выгодное дельце, что справиться может только такой опытный, отважный и сильный воин, как ты! И принесёт оно тебе выгоды... Гораздо больше, чем если... (Хитрое подмигивание!) Ну, ты понимаешь!»

Любопытно. Внимательно разглядывая Саидакмаля, варвар тогда подумал, что, похоже, и правда – дельце не настолько «простое». Об этом ему сказали и такие моменты, как покусываемые губы, отводимый в сторону и вниз взгляд, и крупные капли пота на лбу и шее солидного пожилого мужчины.

Но если честно, Глава гильдии произвёл на Конана, скорее, благоприятное впечатление. Такому больше подошло бы быть не начальником оголтелой своры жуликоватых наглых пращелыг и мелочных торгашей, какой, на взгляд киммерийца и являлась Гильдия купцов Шопесты, а, скажем... Достойным отцом и дедом многочисленного семейства.

Да и вообще: если совсем уж честно, многое в чёртовой Шопесте казалось Конану не совсем нормальным. Ну, хотя бы то, что при малейшем громком шуме все жители, где бы ни находились – на базаре, или на кривых и немощённых грязных улочках, неизменно вскидывали

головы к небесам, и начинали истово осенять себя местным знаком почитания богов. Городской заместитель Мирты – некто Нэсс! – хоть и считался «добрым» богом местного пантеона, однако, как обнаружил не без удивления киммериец, любимым ругательством мужчин было: «Нэсс тебя забери!» Женщины же вообще никогда не упоминали этого имени. И предпочитали общаться, даже торгуясь, полушёпотом...

Впрочем, «заморочки» местной религии и нравов не слишком беспокоили киммерийца – с той точки зрения, что он абсолютно безнаказанно «пощипал» троих наиболее состоятельных купцов, и даже дом казначея местного падишаха, а его всё ещё не пыталась арестовывать здешняя тайная полиция. Что говорило о том, что местная элита или не слишком верит в её способности схватить гиганта-северянина, или... О том, что «обработанные» предпочитают, чтоб про его «работу» местный Правитель не узнал.

Имелся ещё вариант, который ему подсказало поведение, и присказка простых граждан: «На всё – воля Нэсса!». Может, поэтому к своей судьбе многие относились как, скажем, к солнцу на небе: светит – хорошо. Скрылось за тучи – тоже хорошо. Конану казалось, что ничто не в состоянии пробудить местных жителей от состояния равнодушной как бы летаргии, и наплевательства по отношению ко всему на свете.

В том числе и к своей судьбе.

И ещё эти граждане казались киммерийцу запуганными. И уж явно не местной полицией и стражей: те и сами казались какими-то потерянными, и даже строевых упражнений, или учений никогда не проводили. (Он выспрашивал об этом специально!)

Про людишек с таким «менталитетом» метко сказала одна из его очередных боевых «подруг» – кушитка Аста: «Словно их пыльным мешком по голове трахнули!..».

Однако как бы Глава гильдии не превозносил способности и отличные физические данные варвара, и какими бы радужными ни казались перспективы «поработать» за хорошую плату с какой-то там древней реликвией, Конан всё же доверял больше своему чутью.

Поэтому и потребовал тогда с Саидакмаля сразу треть суммы: в задаток!..

– Хм-м... А как эти коперы хотя бы выглядят? И какого размера?

– Ну... Размером копер с верблюда. Большого верблюда. И выглядит почти так же. Однако: и шея у него мощней, и ноги – толстые, как у слона. И – главное! – кожа очень толстая и прочная. Ни одна наша стрела так, по-моему, никогда её и не пробила. Может, поэтому и не действует яд из молочая. – Конан подумал, что и правда: не выглядели тощенькие луки малышней так, чтоб можно было пустить стрелу с достаточной скоростью и силой, – А ещё у копера очень крупная голова. Нет, не так: я бы сказал, что это не голова, а просто – пасть! С отличными, острыми и крепкими, зубами! Которыми копер прекрасно может разжевать: что человека, что, скажем, бревно. Мы первое время пытались убивать их толстыми копьями из огромных самострелов – так вот они эти копыя перекусывали на раз!

– Н-да, похоже, серьёзный противник... – Конан коротко глянул на Тома, который за всё время беседы так рта и не открыл, а только изредка согласно кивал, – Но как же тогда вы с ними справляетесь?

– Хе-хе... Ты верно вычислил: раз мы до сих пор выживаем, значит, нашли кое-что... Средство. Мы коперов – просто отпугиваем. Они не выносят запаха бледных поганок. Поэтому мы стали тщательно культивировать эти грибы: их плантации буквально окружают все наши деревни. И ещё – вот! – Вудро покопался за пазухой, и извлёк нечто, похожее на ладанку. Только большую, – Здесь – сушёные бледные поганки! Человек-то своим носом их не чует вообще, а вот копер – за десять шагов! И – сразу фыркает, разворачивается, и убегает!

Конан усмехнулся, покачав лохматой головой:

– Надо же!.. Человек всегда найдёт средство! А можно у вас попросить: и мне такую же ладанку? Не бесплатно, конечно: скажешь, что вам нужно.

– Хм. А ты быстро схватываешь суть, Конан-киммериец. Ладно, думаю, если дать тебе такую ладанку, ты и правда, никому про неё не расскажешь, да и про нас тоже... Но для этого нам придётся сделать крюк. Пройти через деревню кера Горсида, потому что от нашей мы уже далеко.

Надеюсь, он не будет против.

Кер Горсид оказался почтенным на вид старцем. Всё, что положено старейшему Главе рода у него имелось: и седая окладистая борода, и длинные, благородной формы усы, и умные, сохранившие юношеский задор, глаза. И выдержка: когда ему доложили что прибыл Конан-киммериец, да ещё и с такой странной просьбой, он и бровью не повёл.

– Значит, ладанку, говоришь? – осанистый старик осторожно потеребил густую бороду, ниспадавшую почти до груди. Затем оглянулся на четверых обступающих его соратников: старцев примерно его возраста, явно – советников и помощников. А в будущем, вероятно, и премников, – А вы как думаете, друзья?

Сердито глядевший на Конана крайний справа старик, отличавшийся непропорционально крупной головой, и животом, словно у любителя пива, буркнул:

– А с чего бы это нам делиться нашими секретами с каким-то проходимцем, который разболтает про нас по всему Средиземью?! Пусть убирается побыстрее, пока жив!

– Я понял твоё мнение, почтенный Баддок, – Горсид, ничем не выказав эмоций, взглянул по другую сторону от себя, – А что скажет почтенный Дольбер?

Дольбер оглядывал варвара, склоняя голову то к одному плечу, то к другому. Очевидно, это помогало ему: не то размышлять, не то – оценивать пришельца.

– Думаю, Конан-киммериец и сам не захочет про нас кому-нибудь рассказывать, даже если мы не попросим его дать слово киммерийца. А мы попросим. Так, на всякий случай. Правда, Косип?

Тощий высокий – побольше трёх футов! – старец рядом с Баддоком степенно покивал. Он, как и Том, за всё время знакомства и последующего разговора не произнёс ни слова. Но варвара рассматривал тоже очень внимательно: хитринка в глазах маленького человечка не позволяла сомневаться в житейской умудрённости и деловой хватке.

– Кархо?

Последний из старцев сказал весьма весомо:

– Мы все слышали о Конане-киммерийце. Мы знаем, что он, хм... Скажем так: забирает у богатых то, что у них имеется в избытке. И никогда Конан не позволял себе обидеть неимущего, или слабого. Поэтому я тоже, как и многие из нас, – при этих словах «почтенный» Баддок сердито дёрнул пухлым плечом, – считаю, что Конан – человек чести. И поверю ему на слово, если он его даст.

Кер Горсид покивал с довольным видом. Сказал:

– Конан-киммериец. Согласен ли ты дать слово никому не рассказывать о нас, и наших секретных способах борьбы с коперами?

Киммериец, уже раз дав обещание насчёт женщин, не видел смысла препираться из-за того, что не стоило ему никаких усилий.

– Согласен. Более того: если я достану опал, и буду возвращаться через ваши владения, я обещаю, покидая их границы, вернуть вам ладанку, если вы мне её сейчас дадите.

– М-м-м... Думаю, такой вариант устроит нас всех, – Горсид обвёл глазами всё своё воинство, и не встретив возражений даже со стороны всё ещё свирепо посверкивающего глазками, и поджимавшего пухлые губы Баддока, хлопнул в ладоши.

Прибежавшая девушка могла бы считаться красивой. Даже очень красивой – если б была соответствующего роста. Вот теперь Конан понял, почему малыши настаивали, чтоб он пообещал «не трогать женщин»!

Горсид что-то пошептал девушке на ухо, показав руками что-то круглое и небольшое, девушка убежала в самый большой бревенчатый дом, судя по всему как раз и служивший резиденцией общинного Совета, на пороге которого сейчас и стояли старцы. Вернулась она буквально через минуту, в руках что-то держала. Горсид бережно взял это.

Конан увидел ладанку – такую же, как у Вудро, но несколько большего размера.

– Конан! Прошу тебя нагнуться, и одеть на шею, если это не противоречит никаким твоим верованиям! – старец выступил чуть вперёд, и взял в обе руки шнурок, на котором ладанка висела.

Конан степенно подошёл, нагнулся. Старец аккуратно надел ему на шею оберег, прошептал чуть слышно: «Во имя Мирты Пресветлого!»

Ладанка, казалось, ничего не весила.

– Теперь ты защищён. – Горсид поднял ладонь как бы пресекая попытку Конана задать вопрос, – Ты нам за неё ничего не должен. Но мы просим тебя: если будет возможно, верни нам её в целостности по завершении твоей миссии.

Конан отступил на шаг и почтительно поклонился:

– Благодарю, почтенный Кер Горсид, и вас, господа, за оказанные мне честь и доверие. Обещаю вернуть этот талисман, если... Вот именно: будет такая возможность.

– А что, возможность может и не представиться?! – это снова влез буквально шипящий от плохо сдерживаемой ярости Баддок.

– Может. К примеру, если меня убьёт стража Храма Пурха. Или землетрясение отделит меня от этого леса. Или наводнение сделает долину Мазори непроходимой... Мало ли что в жизни может случиться! Человек, как говорит поговорка, предполагает, а лишь Мирта Пресветлый – располагает!

Четверо старцев-старейшин переглянулись, с хитрыми улыбками поглядывая и на отдувающегося недоверчивого собрата. Тот, заметив их взгляды, предпочёл промолчать.

Конан кивнул головой:

– Благодарю ещё раз, почтенные. А теперь – прощайте!

– Счастливого пути, Конан!

Проход через деревню запомнился Конану: нет, не самими небольшими и аккуратно сработанными избами из почерневших от времени и замшелых понизу, брёвен, и не натянутыми меж ними верёвками с развешенными на них бельём и одеждой. И не крошечными аккуратными огородами с разной зеленью: в-основном, как понял Конан, с корнеплодами. А – женщинами.

Они теперь выглядывали буквально из каждого окна, и провожали его та-а-акими взглядами... Конан то краснел, то бледнел: с таким вождением, так оценивающе-призывно, словно кошки – на сметану, на него и самые прожженные шлюхи Шадизара не смотрели!

Да что же это такое?! Своих мужчин им, что ли, не хватает?!

Впрочем, деревню они покинули быстро, и уже через три минуты хода она полностью скрылась из глаз: не зная, что тут людское поселение – так и не найдёшь никогда! Конан порадовался за лесной народец: действительно, отличная маскировка, продуманная оборона, разумный подход к решению проблем. Полное самообеспечение всем необходимым. Да ещё и торговля...

Похоже, эти малыши выживут, что бы ни случилось.

До границы леса дошли, как Вудро и сказал, за два часа. Солнце уже клонилось к горизонту, и Конан оглядывал открывшуюся с прогалины долину Мазори тщательно: искал место для возможной безопасной ночёвки.

Том, до этого так и не проронивший ни слова, вдруг снял с плеча котомку приличных размеров:

– Конан. Возьми. Тут продукты. На пару дней тебе должно хватить. Это моя двоюродная бабушка собрала – она живёт в деревне Горсида. – голос у человечка оказался высокий, словно у мальчика до ломки, и очень тихий.

Конан поколебался было. Но нельзя отказываться от того, что предлагают от души: маленький воин может обидеться. А ему не хотелось обижать крошечный народец. Тем более, после того, как они доверились ему, и помогли.

– Спасибо. Я ценю ваше гостеприимство. И помощь. – он потрогал ещё раз ладанку на загорелой обнажённой груди. Затем попрощался крепким рукопожатием с обеими проводниками, и стал спускаться по заросшему высокой травой пологому склону. Оглянувшись шагов через пятьдесят, обнаружил, что воины ещё ему машут. Конан и сам помахал.

Но когда оглянулся ещё через шагов сто, на опушке уже никого не было.

Солнце коснулось горизонта в дальнем конце долины.

Конан, неторопливым шагом приблизившийся к груде обломков скал, скинул наземь свою суму, и Томовскую котомку. Обошёл вокруг нагромождения: всего-то в нём и оказалось шагов двести в окружности, и вблизи они уже не так сильно, как издали, напоминали полуразрушенную цитадель. Конан вздохнул: нет, только великаны или боги могли бы построить крепость из камней такого размера: самый маленький оказался размером с избу. Правда, ту, что в деревне малышей.

Покачав головой, киммериец забрался на самый высокий столб-монолит. Тот казался тёмно-коричневым, и его весь покрывали жёлто-бурые охристые прожилки и потёки. Конана поразило, что его меч странно заколебался у него на поясе: будто ожил, и захотел спуститься вниз, ближе к камню.

Такое явление Конан уже встречал: не иначе, камень содержит ту чудесную руду, которая притягивает железо. Киммериец вынул меч из ножен и приложил лезвием к камню. Точно! Меч свободно висел почти вертикально, и держался прочно: чтоб оторвать обратно, пришлось покрепче упереться обеими ногами в камень...

С вершины открывался бы хороший вид. Днём. Сейчас же оказалось видно только то, что впалая равнина и дальше покрыта островками низкого кустарника, и травой. Вдалеке, на фоне розовеющего вечерним закатом горизонта, выступала только одна зловеще угловатая тень: Храм, к которому он и шёл. А таких странных груд камней, где он решил сейчас устроиться на ночёвку, больше почему-то нигде не имелось. Как и каких-либо других следов присутствия человека.

Ну и ладно. По-крайней мере, он сможет развести костёр и укроется от ветра. Которого, впрочем, здесь и так почти не ощущалось.

Немного дров у Конана в суме сохранилось. Он подумал, что нужно было взять больше – знал же, что Храм Пурха стоит на болоте, и там разжиться сухой древесиной вряд ли удастся. Однако поздновато сожалеть: нужно поужинать, да ложиться спать.

На ужин киммериец поджарил себе кусочки мяса, нанизав их на пруты: остатки окорока марала, который вчера очень неосмотрительно подставил бок под его самодельное копьё. Но поскольку печень он съел раньше, оставалось сказать спасибо и за жестковатое мясо явно пожилого животного: всё лучше, чем сушёные лепёшки и безвкусная вяленая солонина, которые он захватил в наивной надежде на то, что управится с «миссией» за какие-нибудь три дня!

Какое там. Он потратил эти три дня только на то, чтоб добраться сюда, а до конца пути ещё как минимум сутки: до Храма явно с десятков миль! Похоже, командир малышей Мэрдок предположил правильно: от него просто... хотели отделаться!

То ли – хотя бы на время, то ли – уж навсегда!

Ну так шишь же им! Он докажет этим трусливым и коварным купчишкам, что слово Конана – это слово Конана! Обещал принести – и принесёт. Конечно, если только опал действительно существует, и до сих пор хранится в Храме Пурха, Конан его добудет! И вот тогда этому поганцу Саидакмалу придётся раскошелиться!..

Согреваемый приятными мыслями об увесистых золотых кругляшках, Конан вытянулся на своём повидавшем виды одеяле из шкуры горного козла, и некоторое время чутко внюхивался в не слишком приятные ароматы-миазмы, источаемые трясинной, и вслушивался в окружающую ночь, рассматривая дивно мерцающие звёзды.

Нет, подозрительного или непривычного – ничего! И – никого!

Впрочем, если что-то отличающееся от привычного стрёкота цикад, трелей лягушек, шёпота ветерка, или криков летучих мышей и прозвучит, или поблизости окажется кто-то злобный и опасный, имеющий нехорошие планы в отношении киммерийца, его охотничий инстинкт обязательно заставит его проснуться, как уже случалось сотни раз! Поэтому он смело мог пускаться в дальние экспедиции в одиночку, не беря никаких спутников-напарников, и не оставляя никого сторожить: он сам себе и сторож и лучший охранник!

Проснулся Конан внезапно. Но остался лежать так, как лежал – прижавшись спиной к шершавому и ещё тёплому, днём нагретому солнцем, камню. (Стало быть, спал недолго! По всем ощущениям сейчас – около полуночи!) Что-то в окружающем пространстве происходило. И это что-то явно было направлено против него!..

Он продолжал внимательно вслушиваться, и вглядываться сквозь полуприкрытые веки в окружающую тьму, разгоняемую лишь светом звёзд – луна как раз отправилась на перерождение! – и вскоре понял: его пытаются окружить, чтоб напасть со всех сторон сразу! Крошечные точки отблесков от глаз то исчезали, то появлялись по периметру примерно двадцатишагового кольца. Жаль, что костерок Конана прогорел до конца, и превратился в золу: судя по расстоянию между глазками, и их высоте от земли, они принадлежали каким-то небольшим животным, вроде койотов или лисиц.

А вот если б у него был постоянный огонь, такие твари просто не подступились бы. Но для этого дров пришлось бы захватить настоящую вязанку!..

Ну да и ладно. Ему не привыкать.

Конан незаметно сжал ладонь на рукояти меча и приготовился к атаке.

Она не замедлила начаться!

Раздался отрывистый лай – словно команда! И свора кинулась к нему.

Варвар вскочил на ноги, и метнул шкуру-одеяло налево от себя – в ближайших нападавших. Те на долю секунды замешкались, и он смог поразить тех, кто кинулся на него прямо спереди: лезвие меча пропело смертоносную песнь, и вот уже три небольших силуэта корчатся, жалобно скуля, на траве у его ног, а Конан мощным взмахом обрушил трёхфутовое лезвие на тех, кто задержался из-за шкуры!

Поражено ещё двое!

За остальными ему уже пришлось бежать: без единого звука рассеянные остатки стаи кинулись враспынную! Но Конан смог метко брошенным мечом пригвоздить к земле ещё одного!

Подойдя, он убедился, что последний поражённый мертв: меч прошёл сквозь спину, и вышел из брюха. Варвар аккуратно вытащил оружие из небольшого тела, отёр его о шерсть. Точно: или лисица, или койот! Не очень-то хочется даже рассматривать их вблизи: мясо падальщиков обычно несъедобно – оно жёсткое и вонючее. (Впрочем, когда ничего другого не оставалось, ему приходилось довольствоваться и таким!)

Но Конан всё же пожертвовал несколькими щепочками, и вновь разжёл костерок, чтоб рассмотреть шесть тушек получше.

Да, лисицы. Степные. Оранжево-бурый окрас шерсти, пасть, усеянная мелкими треугольными зубками, лапки с небольшими коготками... Интересно: как они могли рассчитывать справиться с ним, большим и хорошо вооружённым, с таким плохеньким «оружием»?! Вывод можно сделать лишь один. И неутешительный.

Звери, такого как он размера, до сих пор оказывались лёгкой добычей. А с вооружёнными людьми стая, похоже, до этого не встречалась. Что тоже говорит о многом.

В частности, о том, что люди предпочитают сюда не соваться.

Значит, выводы о том, что его послали на смерть, в третий раз подтверждаются.

Конан позволил себе сдержано усмехнуться.

Бараны. Они не знают, с кем связались.

Тем приятней будет посмотреть в их заплывшие жиром перепуганные глазёнки.

Утром он открыл котомку бабушки Тома.

М-м, а неплохо! Домашние пироги, кулебяка, колбаса, сыр... Он мысленно поблагодарил и бабушку и Тома, после чего с аппетитом уничтожил добрую половину припасов: Том явно не мог предположить такого. Обычному человеку – да, могло бы хватить на пару дней.

Но Конан – и не обычный человек.

С довольным видом он откинулся на скалу за спиной, и поковырял кончиком кинжала в зубах: если б не эти припасы, пришлось бы думать о том, чтоб повытаскивать печёнки из поганцев лисиц-койотов... А так его избавили от грязной работы по свежеванию.

Спуск казался незаметным, но Конан видел: туда, куда и он идёт, текли и небольшие ручейки, где-то впереди сходящиеся в нечто вроде мелкого ручья, откуда он мог в случае чего и напиться, и пополнить запасы воды.

Конан шёл неторопливо – он знал, что здесь враги не подкрадутся незамеченными.

И точно. Не подкрались.

Вместо этого с обеих сторон из-за кустов ежевики, и бугорков осоки к нему устремилось почти одновременно, словно по сигналу, с добрый десяток весьма грозно выглядевших тварей, до этого, очевидно, лежавших в засаде на брюхе, прижав морды к земле: вон, жидкая грязь на животе и шее некоторых ещё не высохла!

Если б не описание, он бы удивился. А так подобия верблюдов на толстенных волосатых ногах сразу заставили его потрогать лишний раз ладанку на шее.

Не прошло и двух минут, как коперы, набегающие теперь и сзади, отрезая его от скал «крепости», окружили его. Бэл! Ну и монстры!

Вот уж действительно – не голова, а сплошная пасть. И сейчас эти пасти, которыми свободно можно было бы отхватить его голову, грозно лязгали, и истекали слюной.

Но в десяти шагах от него твари словно налетели на невидимую преграду: бегущие впереди вдруг предупреждающе – не то заржали, не то заревели, и вот уже копыта-лапы вспарывают борозды в траве и земле, тормозя массивные тела! Монстры, окружавшие теперь киммерийца почти правильным кольцом, переглядывались, как показалось варвару, с неподдельным удивлением и досадой. Однако никто невидимой черты переступить, похоже, не стремился! Значит...

Для проверки Конан сам сделал шаг – в нужном ему направлении.

Толпа «эскорта» почти одновременно – словно они репетировали это заранее! – тоже сделала шаг: туда же. Однако кольца стая не разорвала.

Варвар усмехнулся: надо же... Впрочем, с «почётным караулом», или без него – двигаться вперёд надо. Не стоять же здесь неизвестно сколько, в надежде, что твари потеряют к нему интерес?!

Идти в компании злобно пялящихся и фыркающих, да ещё и постоянно, хоть и тщетно, облизывающихся и хлопающих пастями монстров, оказалось вовсе не так весело, как он себе

представлял: посмотреть-то на это представление было некому! Поэтому Конан просто шёл, куда ему было нужно, и больше не заботился о маскировке и тишине: с такими топающими и взрыкивающими спутниками он уж точно ни от кого не спрячется.

Заодно киммериец рассматривал монстров. Те уже не казались вот прямо совсем непобедимыми: кроме пасти и копыт, (вернее – подобия копыт: ноги-колонны заканчивались настоящей стопой, как у слона – вероятно, на таких удобно передвигаться и по песку, и по болоту!) подходящих орудий для нападения у зверей не имелось. Кроме того, действительно крупными были только два животных. Остальные в холке не достигали и Конановского плеча. Он прикинул, что будь они с таким один на один, он бы сладил легко. Уязвимые места: длинная выдающаяся вперёд шея, глаза. Сердце – в груди спереди.

Но позволить ему проверить эту мысль на практике коперы не спешили: никто так и не приблизился к нему. Правда, и не отстал...

Через час киммериец повернул к воде, хлюпая сапогами по прибрежной грязи, и опустился на колени, чтоб набрать свежей воды во фляжку, и напиться из ручья, превратившегося, скорее, в небольшую и неглубокую речку, и по берегам поросшую низкорослым рогозом и камышом. Коперы почему-то восприняли это как личное оскорбление: трое встали на дыбы, и начали размахивать копытами в воздухе, остальные начали не то топтаться, не то гарцевать на месте, сердито косясь на него, и ревя громче обычного: комья грязи и пучки травы из влажной земли под ударами копыт так и летели!

Конан не придумал ничего лучше, как зачерпнуть воды в свои широкие ладони, и брызнуть в ближайшего копера.

Эффект поразил его самого: с ржанием, достойным лучших скакунов, и такой же прытью, стадо сорвалось с места, и умчалось прочь!

Надо же! Они что – не любят купаться?! Вот грязнули.

Он позволил себе рассмеяться, а затем и выругаться на шемитском.

Ладно, возможно, тут скрыто что-то большее, чем просто нелюбовь к бледным поганкам или чистой воде. Может, как раз здесь и нащупается слабина того, кто сотворил омерзительных тварей.

А Конан уже не сомневался, что странных монстров кто-то сотворил умышленно. И, вероятней всего, как раз для защиты и охраны территории вокруг бывшего Храма.

Другое дело, что Храм давно заброшен и бездействует. Но...

Бездействует ли он на самом деле?!

Ведь он сам об этом знает только со слов чёртова Саидакмаля.

А тот, как уже стало понятно, отнюдь не был заинтересован говорить варвару правду!

При внимательном рассмотрении по мере приближения оказалось, что Храм Пурха не столько разрушен, сколько «недоразрушен». Не так уж много обломков валялось вокруг чернеющей весьма впечатляюще на фоне неба, вполне цельной конструкции.

До «руин» Конан дошёл к вечеру. Задержался, потому что останавливался в тени столпа-камня на обед. После обеда отдыхал, и тщательно изучал равнину ещё раз – уже с высоты столпа, над которым позволил себе только приподнять голову, телом оставаясь за замшелым выветрившимся укрытием.

Ну и ничего интересного. Или опасного.

Кроме самой мрачной чёрно-серой громады коробки Храма в дальнем конце долины, на заднем плане декорированной густым лесом.

В сам Храм Конан вглядывался особенно долго и пристально.

Да, нельзя сказать, что тут живут. Иначе вон тот портик давно восстановили бы, обломки от входа убрали, дыру в потолке заделали, да и траву с крыши повыкосили бы... Однако ни следов присутствия поблизости людей, ни коперов, варвар не заметил. Что само по себе ничего,

конечно, не значило: сколько раз его вот так, с помощью внешних признаков заброшенности и безлюдности, пытались ввести в заблуждение!

Но всё равно: идти внутрь придётся. За опалом. Который находится там, в здании.

А именно – в главном зале, украшая лоб какого-то там древнего Божества: Конан не запомнил сложного имени из трёх частей, на каком-то тарабарском диалекте, которое ему назвал глава Гильдии купцов.

Парадный вход, который сейчас был скрыт наиболее густой тенью, поскольку солнце заходило как раз позади Храма, Конана не впечатлил. Он видал монументальные порталы, украшенные и попомпезней. Однако не через него же он собирается входить?!

Весь опыт варвара говорил ему о том, что проникать в такие места лучше не «в лоб», а – через «запасной» путь. И, чтоб враг по возможности и не догадывался, что *оттуда* может быть совершено... Проникновение.

Чуть продвинувшись вправо, киммериец пригляделся внимательней: да, вот с этой стороны, под прикрытием кустов, а затем – и отвалившихся от здания блоков, пожалуй, удастся подобраться незамеченным, кто бы ни сидел там на страже.

Единственное, что нужно – чтоб солнце окончательно зашло за горизонт. Ну а луны как раз нет.

Удачно он выбрал время!..

Перебраться, цепляясь за стыки между каменными блоками-кирпичами, и корни вездесущих кустов, цепко въевшихся в малейшие трещинки кладки стены, на крышу бокового портика, профессионалу труда не составило. После чего оставалось только тихо, так, чтоб ни камушек не шелохнулся, перейти по почерневшей от непогоды и времени крыше постройки, поросшей травой, поселившейся на нанесённым ветрами весьма впечатляюще толстом слое почве, выше – к центральному своду.

Чуткий наблюдатель, сидевший где-то глубоко внутри варвара, исподволь отмечал, как загадочно-зловеще выглядит лес, до которого оказалось на самом деле не меньше пары миль. Как подозрительно тихо в пучине окружавшей Храм если не трясине, то – очень жидкой топи: ни одной трели лягушек-жаб, как известно, не упускавших столь удобного для жизни, и буквально кишевшего москитами, комарами, и прочей летуче-кусачей мелочью, болота. И что даже ночные птицы или летучие мыши не показывают свои силуэты на фоне звёздного неба, на котором, как назло, не имелось ни облачка.

Вот именно это: то, что не было – не то, что жабьих рулад, а даже стрёкота сверчков и цикад! – и настораживало варвара сильнее всего. Эти твари нутром чувствуют, где опасно, и не суются туда. А, казалось бы, в здешних-то заливных лугах и топях им – самое раздолье!..

Киммериец протянул руку. Почти нежно коснулся выщербленных каменных прямоугольников кирпичей, плавно переходящих в купол свода – высота приземистой полусферы не превышала десятка шагов. Но стоит ли лезть туда, наверх, к центральному отверстию-окну, вот так: сходу?

Крохотный червячок сомнения грыз его давно – с того самого момента, как он с верхушки замшелого столпа увидал громаду впечатляющих размеров в этом пустынном, неплодородном, и вообще – столь не подходящем для объекта поклонения и массового паломничества, месте. Вот чувствует его сердце – не для верующих и адептов какой-то там религии его возводили.

А для фанатиков!

Здесь пахнет, как, впрочем, и обычно в его приключениях – тёмным, и чуждым людской морали и совести, запретным культом!..

Зрение позволяло киммерийцу видеть в темноте не хуже кошки. А в свете звёзд ему вообще грех было жаловаться на видимость. Поэтому он, наплевав на естественное желание

сознания как можно быстрее проникнуть внутрь, и покончить с хлопотливым делом, двинулся по крыше вокруг купола, не забывая оглядываться и чутко вслушиваться.

Есть.

Он бросил туловище вниз, и наотмашь ударил мечом назад – даже не глядя!

Чёртова тварь, шелест кожистых крыльев которой он услышал за несколько мгновений до того, как обошёл купол по периметру до конца, не успела даже заорать: меч напрочь отсек ей голову, часть груди и одно из крыльев!

Осмотр бьющегося в агонии тела оказался интересней, чем результаты обхода, который не принёс, собственно, ничего нового: ну, трава и трава, ну, обломки – и обломки.

А вот тело летающего монстра сказало Конану, кроме того, что принадлежало какой-то чудовищной помеси летучей мыши и утки, ещё и о том, что кто бы ни придумал и не создал эту тварь, для охраны здания Храма в людях не нуждался: огромные навывкате глаза, источающие сейчас лютую ненависть и животный ужас от осознания скорой смерти, явно в темноте позволяли видеть отменно, а утиный, непропорционально огромный клюв, чем-то так напоминал коперов!..

Хотя бы зубами: те оказались почти как у чёртовых «верблюдов»: острые, треугольной формы. Ну и правильно: чего мудрить, раз нашёл подходящую, надёжно работающую конструкцию. Каждый чародей, при всех их комплексах и жажде мировой власти, всё же остаётся в глубине души, как давно понял киммериец, банальным... Лентяем!

Крылья в размахе достигали, вероятно, десяти шагов: если б было нужно, такой монстр легко мог бы унести в когтистых лапищах целого барана... Но Конана такое чудовище не могло ни удивить, ни остановить: видали и пострашней.

Поэтому оставив истекавшего остатками чёрной вонючей крови монстра лежать на месте, киммериец принялся исследовать и остальное пространство крыши, чутко всматриваясь и вслушиваясь в окружающее безмолвие: мало ли!..

Обход позволил найти три, вроде, подходящие для проникновения, дыры: первая как раз почти там, куда он вначале подошёл: она находилась чуть левее места, с которого он начал обход круглой конструкции. Вторая представляла собой настоящий пролом в боковом портике: камни кровли и стены обрушились, не то от времени, не то – от землетрясения, и пролезть мог не то, что Конан – а и стадо коперов.

Однако по здравом размышлении Конан решил, что землетрясений на болотистой почве не бывает. Следовательно – это место в кладке наиболее слабо, и, разумеется, ненадёжно. Он предпочёл третью дыру: она располагалась на почти противоположной от разрушенного портика стороне, и выходила на заднюю сторону строения: как раз на лес.

Протискиваться сквозь треугольную щель оказалось трудно: в глубине стен пятифутовой толщины она становилась и уже, и иззубренней. Но киммериец не потому получил прозвище лучшего вора Ойкумены, что отступал перед трудностями, или искал лёгких путей: он мог, при необходимости, просочиться почти в любую щель – совсем как змея. Вернее – змей!

Внутри оказалось темно.

И даже свет, который по идее должен был просачиваться внутрь из окна-отверстия в центре купола, и из пролома разрушенной стены напротив, да и из входного портала, не рассеивал непроглядного мрака, царящего в гулком и явно пустом пространстве, которое, как чувствовал Конан, давно никто не нарушал присутствием: пахло лишь пылью и плесенью.

Бесшумно развязав горловину своей сумы, Конан достал крюк с привязанной к нему верёвкой. Он прикинул, что её пятидесяти ярдов ему должно хватить с избытком – до пола не должно быть больше десяти.

Крюк удалось закрепить надёжно: за несколько особо хорошо сохранившихся кирпичей. Верёвка бесшумно ушла вниз, мягко спускаемая умелыми руками. Конан ещё раз оглядел крышу, настойчиво вслушиваясь в почти звенящую тишину.

Ничего.

Он перекинул перевязь с мечом за спину: так-то оно понадежней будет!..

Ладно, лезть надо.

Где-то после десятого ярда спуска он начал пытаться нащупать пол ногой.

Нет. Нет... Вот ушёл вверх и узел на верёвке, обозначающий двадцать ярдов, а пола так и нет. Хм-м... Странно. Может, пол главного зала – ниже уровня земли? Вряд ли. Потому что тогда он был бы весь залит грунтовыми водами, и здесь плескалось бы озеро.

Когда верёвка закончилась под ногами, Конан все равно слез до последнего узла на самом конце – пытаюсь-таки хоть что-то нащупать... Тщетно.

А вот прыгать с неизвестной высоты на неизвестную поверхность – не дело. Потому что мало ли какую гадость измыслило чёрное коварство очередного мага, который тут поработал! Можно напороться, скажем, на острые колья. Или – лезвия ножей. Или...

Вот именно – лучше не пытаться это выяснить на собственной драгоценной шкуре!

Придётся возвращаться.

На подъём ушло минут десять: Конан старался свои злость и усталость сопением не выдавать. Теперь он вынужден был перейти к тому пролому, куда легко вошёл бы отряд всадников. Крюк, правда, пришлось закреплять за башенку портика, а не за крошащиеся под пальцами кирпичи кромки пролома.

Верёвку он разматывал уже быстрее, и спускался не так тихо.

Но – с тем же результатом. Дна не было!

Да что же это...

Киммериец раздражённо сплюнул на крышу, на которой снова сидел: странные тут творятся вещи. Не иначе, как пространство внутри главного зала не намерено подчиняться его представлениям о том, каких оно должно быть размеров.

Ну да и ладно. Раз внутри всё так же тихо, и пахнет по-прежнему тленом веков, придётся-таки идти напролом. Не сидеть же у входа до рассвета?!

Но идти вслепую в такое странное место... Чёрта с два!

Он, всё ещё стараясь действовать бесшумно, спустился на землю. Прошёл к portalу. Постоял, вслушиваясь. Бэл раздери: он же чувствует, что – никого!..

Конан, уже не боясь звона кремня о кресало, разжёл трут и несколько оставшихся щепок тут же – прямо у порога входного проёма. Запалил от костерка приготовленный факел. Поднял над головой: вперёд!

Вход выглядел обычно. Ну портал и портал. Дверей вот только нет и в помине: то ли украли какие расхитители, то ли их и не было. Зато пол зала оказался выложен искуснейшими мастерами: такую прекрасную мозаику из различных пород цветного камня Конан редко видел и во дворцах. Однако стен почему-то видно не было, как бы высоко он свой факел ни поднимал!

Киммериец старался быть внимательным к щелям в полу: неровён час, нарвёшься на какую-нибудь ловушку... Но если прямо у входа оказалось нанесено немного пыли, на которой не отпечатался, впрочем, ни один след – ни людской, ни звериный! – то дальше вглубь зала не имелось и пыли, и отлично сохранившие полировку плиты отбрасывали обратно в глаза слепящие блики от его факела.

Конан решительно зашагал прямо: ему описали зал, хоть и не предупредили, что тот окажется настолько огромным: только через добрых десять минут вдаль наконец показалась задняя стена.

Да что же за шутки здесь выкидывает его чувство времени и пространства?! Или это – такое колдовство? А хорошо. Для служителей. Получается, снаружи Храм – крохотный (Ну, сравнительно!) каменный куб, а внутри можно спокойно разместить хоть базарную площадь огромного города. Да, похоже, и не одну!

Пол под ногами перестал складываться в разные узоры и геометрические фигуры, а превратился в чёрный монолит: похоже, из обсидиана. Конан подивился: отполировать столь твёрдый и неподатливый при обработке материал мог только очень настойчивый и сильный мастер. Нет – мастера! Десятки, сотни работников! Вооружённые прочнейшим инструментом. И располагающие огромным запасом времени...

Кто же на самом деле построил этот Храм?! Похоже, он куда древней, чем кажется. И поэтому – опасней.

Ловушки древних династий и народов понять и обнаружить куда сложнее! А уж обезвредить...

Но вот под ногами снова оказалась мозаика из вычурно-изящных изображений цветов, побегов, линий, и фигур разных цветов: мрамор, гранит, песчаник, ещё что-то... А вот сами узоры показались странно знакомы!

Конан сердито поджал губы: точно! Ещё бы не знакомы! Он опять вышел прямо к входному portalу, будь он неладен!

Да что же это?!

Он ведь не слепой, и не полный идиот – шёл всё время прямо! Тут-то он уверен в себе.

Но...

Но получается – что не прямо.

Ах, вы так, значит, со мной...

Конан коротко рыкнул, поднял факел, сгоревший уже больше чем наполовину. И стремительно ринулся в тягуче-вязкое, и словно издевающееся, пространство...

Провести остаток ночи в бодрствовании и повторении тщетных попыток варвар особого смысла не видел. Поэтому постелил у входа своё одеяло, и даже не позаботился положить под изголовье кинжалы: теперь-то ему было отлично понятно, почему внутри нет даже следов звериных лап. Уж звери-то чувят *такое!*..

Разбудило солнце – Храм древние строители расположили таким образом, что его восходящие лучи попадали как раз в портал входа, образуя на пыли и плитах подобие дорожки, истаивающей там, в глубине зала.

Вот по этой неверной дорожке варвар и двинулся, даже не позавтракав, и удивляясь, почему это свет не проникает через окно-отверстие в куполе: по идее, должен бы. Однако в центре купола не видно было даже хоть сколько-нибудь светлого пятна. А ведь круг этого окна имел не меньше пары шагов в поперечнике...

Завтракать пришлось там же – у входа. Потому что поход натошак в глубину Храма и при солнечном свете оказался безуспешен: спустя каких-то двадцать минут варвар вышел вновь ко входу. Сердито поглядывая на стены – ничем выдающимся в смысле декора те не порадовали: простые, и даже не отполированные каменные блоки кирпичей! – Конан расправился с припасами, собранными давешней бабушкой. Но котомку не бросил, (мало ли!) а спрятал назад в свою необъятную суму. Теперь нужно подумать.

Раз в лоб, прямо, не пройти, должен найтись какой-то другой способ. Ведь не может так быть, чтоб сами жрецы и строители этого древнего безобразия не предусмотрели *для себя* прохода – хоть какого-нибудь! – к алтарю! Алтарю, видимому теперь при свете ослепительно сияющего солнца, там, вдали – у задней стены, и словно айсберг, возвышающемуся над струящейся над самым полом дымке таинственного сумрака.

Конан стал внимательно рассматривать плиты. И скоро заметил кое-что.

А ведь похоже на Лабиринт! Если попробовать идти по вот этим лозам, они, возможно, могут вывести...

Однако следование по предательски извивающейся ядовито-красной дорожке через час снова привело его ко входу, заставив описать, как он понял, полный круг!

Бэл их раздери. Что делать-то?!

Такая система защиты, получается, оказалась куда действенной, чем охрана с помощью всяких монстров, защитников, и ловушек! А ведь он не может даже выместить хоть на каком-нибудь страже свою досаду: нет здесь стражей! Ну, живых... Но раз Храм считается Храмом – должны быть хотя бы служители.

Он всматривался в стены и пол, раздражённо хмурясь. Нет. Что-то должно быть здесь этакое... Простое. Но одновременно – такое, что любому умному человеку в голову просто не придёт.

Значит, придётся попробовать... Вести себя глупо.

Киммериец, сердито отдуваясь и оглядываясь через плечо, встал к еле заметному в глубине алтаря спиной.

Двинулся от входа задом – ориентируясь на медленно тускнеющее пятно входа.

Ого! Примерно на сотом шаге пятно потускнело настолько, что его стало просто не видно даже его кошачьим зрением!!!

Вокруг расстилалось чёрное вязкое пространство, загадочно-зловеще переливаясь всеми оттенками агата и обсидиана, на голову давило похлеще, чем если б нырнул на глубину ста футов, а в уши, до этого словно заложенные ватой, начали лезть какие-то посторонние звуки!

Конан быстро огляделся, присев пониже, и даже встав на колено: да, верно! Вон: позади, за спиной, явно что-то происходит! Какое-то движение!

Люди?! Нет, пока ещё – смутные, еле различимые в полумраке тени! Но...

Но он не сможет до них добраться, если развернётся вновь передом: тогда его встретит неизменный «любимый» портал! Радует только то, что незнакомцы, похоже, пока не заметили его присутствия... Хотя и двигались необычно, так же как он – спиной вперёд! Смотреть оказалось, мягко говоря, непривычно. Но незнакомцы, похоже, привыкли: словно у них глаза на затылке! Или они здесь уже каждый камень, каждую плиту мозаики знают... Хорошо только, что хоть и идут лицом к нему – а пока не обнаружили.

Вот и надо не торопиться, а так и оставаться – бесплотной и бесшумной тенью!

Сдерживая дыхание и постоянно кидая взгляд во все стороны, варвар пригнулся пониже, и стал просто недвижимой бесплотной тенью, словно растворившись в полумраке огромного зала. Ему повезло: процессия из двенадцати серо-чёрных фигур, одетых в подобие хитонов, спадавших до самого пола, как раз скрылась, так и не заметив его, в одном из боковых проёмов, похожем на проём самой обычной двери.

Откуда здесь – *двери*?! И – главное! – *куда* они могут вести?! Ведь ни одного входа снаружи, кроме парадного, он не нашёл?!

Однако Конан поторопился, пока его не засекали, подняться, и дойти до алтаря.

Это оказался немаленький постамент из двенадцати высоченных ступеней, с жертвенным камнем наверху. Спереди сквозь все ступени спереди был проложен вроде как жёлоб, выходящий в чашевидный бассейн. Не иначе, как для сбора крови: об этом говорили и отвратительные буро-коричневые потёки, покрывавшие дно жёлоба и бока камня. Киммериец решил пока спрятаться за мощным прикрытием постамента позади ступеней. Благо, здесь лежала тень, и слиться с серо-чёрным полом проблемы не представляло.

Нужно же узнать, куда он, наконец, попал, и чем это может грозить на самом деле! Потому что никакого опала Нэсса, как и описанной ему фигуры самого Нэсса в образе человеко-слона, якобы долженствующего восседать на алтаре, заметно почему-то не было.

Нигде.

Не прошло и минуты, как тёмные тени вновь появились из чёрного проёма.

Но теперь спокойствием и невозмутимостью и не пахло: могучие руки сильных мужчин, видимые из-под чего-то вроде сутан, тащили к алтарю – явно жертву!

Ну и, разумеется, это опять оказалась красивая девушка! Да ещё и нагая...

Конан грязно выругался про себя.

Вот ведь везёт ему на такие дела!..

Нет бы для разнообразия – спасти пришлось какого-нибудь юношу, или мужчину. Или старушку... Ну, или хотя бы женщину. А тут – почти девчонка, лет двенадцати!

И явно – девственница.

Девочка между тем кричала, билась в могучей хватке, и посылала проклятья (Ну, не похвалы же?!) на головы своим палачам на странном языке, которого Конан, насколько мог судить, никогда раньше не слышал. Ага, очень ей это помогало...

Но вот её подтащили к жертвенному камню.

Четверо жрецов привязали распяленную девушку за руки и за ноги лицом кверху к кольцам, вмурованным в пол. Теперь жертва могла только бессильно рыдать и дёргаться, в тщетных попытках освободиться от своих пут, да ещё ругаться, и ёрзать худенькой спиной по шершавому равнодушному камню, на боках которого застыли омерзительно шелушащиеся потёки, поскольку он явно пережил смерть не одной такой несчастной.

Конан подумал, что напрасно эти придурки не посмотрели вначале назад, за ступени, распластавшись за которыми он сейчас лежал. Но вылезать и освобождать девушку, проклятья и вопли которой теперь перешли в еле слышную молитву и всхлипывания, пока не спешил.

Знал, что главное представление ещё впереди.

И точно.

Из тёмного проёма появилась фигура повыше: наверняка Главного жреца. В обеих руках перед своей грудью он что-то нёс. Конана пронзила догадка: вот он – опал Нэсса!

И сейчас его наверняка будут «омывать» в крови очередной невинной и беззащитной жертвы, чтоб «сделать нашего покровителя ещё могущественней и благосклонней к своим верным рабам!»

Сколько раз он с таким д...мом сталкивался! Даже где-то поднадоело...

Но девушку спасти всё равно придётся.

Иначе он не будет Конаном-киммерийцем!

Спасать и правда – пришлось.

После «традиционного» чтения молитв, и вознесением рук с блестящим предметом над распростёртым беспомощным телом, Главный положил опал в выемку у головы жертвы, и достал из-под хитона чуть изогнутый и отблескивающий стальными зубцами нож немаленького размера – почти меч!

Но когда он попытался вонзить его дико закричавшей при виде стали девушке в грудь, меч уже киммерийца перерубил руку с зажатым оружием смерти!

Рука, отрубленная по плечо, упала к подножию камня, извиваясь и дёргаясь, словно настоящая змея!

Конан не стал ждать, пока остальные жрецы достанут из-под хитонов то, к чему сразу потянулись их бледные, но мускулистые руки, а с боевым киммерийским кличем промчался по периметру камня-алтаря, отрубая головы, нанося колющие и режущие удары, и вспарывая животы.

Выхватить кинжал успел лишь один, наиболее свирепый на лицо, жрец: по виду – настоящий стигиец. Однако не слишком это ему помогло: живой, словно ртуть, варвар перерубил поднятый клинок вместе с шеей оскалившегося мерзавца!

Теперь вокруг камня никто не стоял, зато лежащих – стенающих, ругающихся, или бившихся в агонии, валялось хоть отбавляй.

Конан, затылком почуяв опасность, повернулся к Главному.

Вот гад! Жрец оказался весьма настырным и мужественным фанатиком: теперь он пытался целой рукой разжать пальцы отрубленной, чтоб перехватить орудие жертвоприношения!

Конан исправил ситуацию: отрубил сразу голову.

Она покатила как раз по жёлобу вниз. И упала в бассейн. Вскоре туда же дошла струя крови из перерезанной шеи жреца. Из бассейна донеслось подозрительное шипение и повалил дым.

Это Конану очень не понравилось. Он мгновенно обежал жертвенник, перерубая пути девушки, и метнул ненужный больше меч назад – в ножны. После чего перекинул замершее не то – от ужаса, не то – от удивления тело через плечо, и ринулся к выходу!

Однако как бы сильно киммериец не спешил, подобрать с пола свободной рукой каким-то образом укатившийся на дюжину шагов от ступеней опал, он не забыл! Вспомнил варвар и про странный способ «прибытия» – бежал спиной к выходу! Ориентировался при этом на медленно отдаляющийся алтарь, из ямы перед которым теперь валил ужасно густой, кроваво-коричневый и словно липкий, дым, и появились гигантские языки пламени – как от настоящего пожара!

Девушка на его плече что-то закричала. Бросив взгляд назад, Конан обнаружил, что вход начала перекрывать неторопливо опускающаяся сверху капитальная решётка!

Он и сам заорал, и надал что было мочи, хотя бежать задом оказалось ужасно неудобно и медленно! Но в последнюю секунду Конан кинулся на пол, и бросил вперёд, под острия пик, свою ношу, и проскочил, уже на спине, и сам!

Острия чуть скользнули по могучей груди, оставив три кровотокащих бороздки...

Со скрежетом и грохотом острия пик ударили в пол: мозаичные плиты словно скрючились, пошли трещинами от удара! Ещё более страшный грохот и рёв, словно из глоток тысячи раненных медведей, донёсся изнутри, со стороны алтаря!

Конан не придумал ничего лучше, как снова взвалить даже не попытавшуюся подняться на ноги удивлённую девушку на плечо, и ринуться прочь со всех сил – благо, бежать уже можно было нормально!

За спиной гремело и ревело, иногда словно потоки пламени лизали его обнажённую спину, заставляя щуриться, трясти лохматой головой, и рычать, а омерзительный запах горелой плоти и жжёных волос бил в ноздри, заставляя наддать ещё! Конан, мощно втягивая обжигающий воздух широко открытым ртом, продолжал нестись из последних сил, крепко вцепившись одной рукой в опал, а другой – в извивающееся, и почему-то пытающееся слезть с плеча тело...

Сзади раздался оглушительный взрыв!

В спину киммерийца словно дунули ураганы всех океанов! Его подхватило вихрем, и пронесло шагов двадцать! После чего бросило лицом вниз прямо в мелкую, и затянутую зелёно-жёлтой ряской, лужу заболоченной равнины Мазори.

Однако он успел бросить подальше вперёд ту, что нёс на плече: пусть хоть она спасётся!..

После этого оглушающая чернота навалилась на его голову, и он уплыл во тьму Валхаллы...

Однако оказалось, что никуда он не уплыл.

Очнувшись от того, что кто-то брызгал ему в лицо слегка воняющую болотом воду, и сильно хлопал по щекам, что-то надрывно-рыдающее приговаривая женским голосом.

Кром, что с ним случилось?!

Открыв глаза, и увидев над собой крохотное, чумазое и заплаканное детское личико, он всё вспомнил. Спросил по-зингарски:

– Погони нет?

Девушка недоумённо поморгала – явно не поняла. Может, попробовать по-местному, по-шемитски?

О! Сработало. Тоненький и охрипший, сорванный от крика голосок, ответил:

– Нет-нет! Никого там из жрецов не осталось! Но вот вокруг нас сейчас... Может, посмотришь, о мой спаситель? Хотя они ближе, чем на пять шагов пока не подходят...

Конан повернул голову.

А-а, старые друзья! Вокруг хлопало пастями с ужасающими для неподготовленного взгляда орудиями убийства, стадо в десяток коперов, переминаясь с ноги на ногу, но не смея подойти ближе. А приятно: стало быть, ладанка с грибами ещё работает...

– Плесни в них водой – как только что плескала мне в лицо. – Конан кивнул в ответ на немой вопрос и удивлённо расширившиеся глаза густо-синего цвета, казавшиеся непропорционально большими на крошечном личике. – Вот-вот: зачерпни прямо ладонями, и плескай!

Стаду одной пригоршни оказалось мало: девушка брызгала трижды, пока коперы не соизволили возмущенно не то – заржать, не то – зареветь, зафыркать, и ретироваться, сердито хлюпая по трясине огромными стопами, и подёргивая длинными плетями почти конских хвостов. Девушка вздохнула явно с облегчением. Подошла снова к нему:

– Ты... как?

Киммериец потянулся, лёжа на спине, проверяя все мышцы и органы...

Болезнь, вроде, особенно ничего не болело, если не считать того, что чувствовал он себя так, словно пару суток играл в перетягивание каната со стадом слонов-Нэссов.

Он криво усмехнулся:

– Нормально. Хотя, конечно, бывало и получше. Я – Конан-киммериец!

– Спасибо, Конан-киммериец. Я уж думала, пришёл мой смертный час! – девушка шмыгнула носом, трогательно его сморщив, и смахнув непрошено выступившую вдруг слезу, – А как ты узнал, что меня принесут в жертву именно сегодня, в день после рождения новой Луны?

Конан подумал, что пытаться соврать, чтоб выглядеть лучше, чем он есть, смысла нет:

– Никак я этого не узнавал. Я – просто наёмник. Меня прислали сюда украсть опал Нэсса, и обещали заплатить за него неплохие деньги. А тебя, кстати, мне как называть?

– Опал. И я – избранная Дочь Нэсса.

Когда первый порыв естественного удивления прошёл, и Конан смог закрыть рот, ему пришла в голову странная мысль:

– Так вот это, – он указал на всё ещё лежащий поблизости овальный камень, переливающийся всеми цветами радуги в свете заходящего солнца. – не опал?!

– Опал. Но – не опал Нэсса. Это опал Тимуды. Это ему меня должны были принести в жертву. И это его должны были омыть в моей крови. Чтоб Тимуда в очередной раз возродилась. Тогда двенадцать Избранных жрецов-Нэссов снова совершили бы акт священного соития! Ну, ты же их всех видел? И даже позаботился о том, чтоб они... – девушка запнулась, нервно хихикнув, – ни в какой акт вступить не смогли!..

А через год у меня должна была бы родиться сестра. А потом всё, как обычно – её младенческая душа должна была вселиться в очередную избранную смертную девушку. Вернее – новорожденную девочку. И это её должны были через двенадцать лет снова... Забрать сюда, в Храм. А Тимуда, позаботившись о благополучии своего послушного народа, снова отправилась бы в Царство теней Каледда. Погрузившись в священный бесплотный сон на следующие двенадцать лет.

– Хм-м... – если Конан и посчитал ритуалы Нэсса и Тимуды несколько запутанными и странными, это ровно ничего не значило: мало ли у каких народов и их Божеств – какие обряды, традиции и верования, – Так ты – стало быть, дочь Богини и Бога?

– Нет, только Богини. Да и то – не сама, а через её Дух. – девочка похлопала себя по почти плоской груди, – А мой отец, как и Великий Нэсс, до избрания был простым смертным.

– Так это не жрецы строили этот Храм Пурха?

– Нет. Не они. Это наш Праотец Нэсс, под руководством отца Тимуды, Великого Пурха, который избрал его своим Главным Слугой, лет шестьдесят назад заново отстроил этот, – девочка махнула рукой в ту сторону, откуда они бежали, – Храм Пурха. И это Нэсс принёс сюда этот опал.

Именно этот опал сделал возможным возрождение и воплощение Богини Тимуды в материальном теле. И, можешь мне поверить, она так прекрасна, что ни один смертный, даже жрец, (вернее – особенно избранный жрец!) не может устоять против её чар: некоторые даже умирали на её ложе, отдав ей в порыве страсти все соки своей души!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.